

28 февраля 2009 года

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ИНТЕРНЕТ-ИССЛЕДОВАНИЙ

*Александр Евгеньевич Войскунский - кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова.
E-mail: vae-msu@mail.ru*

- Здравствуйте, Александр Евгеньевич. Мы очень рады, что Вы ответили согласием пообщаться с e-читателями Психологического e-журнала университета «Дубна».

- Здравствуйте. К обитателям наукограда Дубна я привык относиться с уважением и почтением.

- **Расскажите про значимость Интернет-исследований для психологии.**

- Правильно, сначала – о значимости: для чего вообще нужны такие исследования в рамках психологии? С одной стороны – они, может, и ни к чему: ведь в психологии и других дел, нерешенных проблем невпроворот. Так что есть изрядно университетов и кафедр, у которых «руки не дошли» до Интернета, и порицать их не за что. С другой стороны, такие исследования довольно любопытны, да и не хочется отставать от собственных студентов, поголовно вовлеченных в Интернет. Для меня это довольно сильный аргумент. А с третьей стороны, независимо от каких бы то ни было личных факторов, такого рода работа попросту необходима, о чем я и намереваюсь поведать попространнее.

- **Так с какого такого припеку это необходимо? Не слишком ли сильно сказано?**

- Для начала обернемся к первой трети прошлого века. Лев Семенович Выготский активно конструирует культурно-историческую теорию. Имея мало возможностей путешествовать вообще и, в частности, затевать этнографические поездки, он лихорадочно ищет свидетельства орудийного и знакового опосредствования психической активности. Знаков вокруг него пруд пруди: и старорежимных, и новосоветских. Но нужны особые – чтоб не

замусоривали мнестические процессы, а преобразовывали поведение, приподымали его из разряда обыденного. Не просто письменные знаки, а предписьменность. Наука о знаках, то-бишь семиотика, еще только формировалась: хотя первоклассные сочинения Чарльза Пирса уже были доступны, а Фердинанд Соссюр уже читал (однако не печатал) свои лекции, но вот до семиотических трудов Юрия Михайловича Лотмана или Умберто Эко еще было далеко. Впрочем, нет худа без добра: этнография уже в то время была определена на подъеме и оказала бесценную услугу творцам культурно-исторической психологии.

К примеру, вполне сгодились грязные выщербленные палочки, пышно поименованные «жезлами вестников»: напряженно перебирая руками зарубки, «вестник» воспроизводит, причем без купюр, текст, который ему поручено передать. А если «жезл» затеряется, то какие-то элементы текста могут и не вспомниться... Или еще более известный пример. Перебирая пальцами узелки на кожаных шнурках, восстанавливали связный рассказ инки в Южной Америке. Все это – предписьменность, ибо ни форма узелка, ни его расположение на шнурке, ни глубина разреза на «жезле вестника» не фиксированы в качестве элементов алфавита. Пьер Жане (которого любили цитировать А.Н.Леонтьев и Л.С. Выготский) в 1928 г. писал: «Человек, который хочет заставить всплыть у себя воспоминание, берет в свою руку какой-нибудь предмет; завязывает узелок на платке или кладет к себе в карман маленький камешек, кусочек бумаги или лист с дерева». Полезность такого рода знаков безусловна, а вот надежность довольно сомнительна. Сейчас год Гоголя, так что позволю себе обратиться к истории скромнейшего Ивана Федоровича Шпоньки. Повествование о нем и о его дородной тетушке «списал в тетрадку» Степан Иванович Курочка из Гадяча, и когда листки частью поизрасходовались, у рассказчика возникло желание пополнить рассказ. Оказия подвернулась: «нарочно еще, не доезжая города, завязал узелок, чтоб не забыть попросить об этом Степана Ивановича. Этого мало: взял обещание с самого себя – как только чихну в городе, то чтобы при этом вспомнить о нем. Все напрасно. Проехал через город, и чихнул, и высморкался в платок, а все позабыл». Вот же незадача! Подкачала, и сильно подкачала недостаточная произвольность собственного поведения.

Все мы живем в кругу знаковых явлений, а вот Выготский провидчески увидел в них недооцененный резерв развития психики. Дальше пошел большой и интересный разговор о процессах интериоризации и экстериоризации, включая (вернее, исключая) несостоявшиеся в нужное время и в нужном месте диалоги между двумя великими одногодками: Жаном Пиаже и Львом Выготским. Эти материалы известны всем психологам – ну, кроме разве тех, кому они не известны, такие тоже есть, и их немного жалко. Да почему же немного? Просто жалко.

Но к чему я так много говорю о знаках? А потому, что компьютеры – орудия насквозь знаковые. И состоят они исходно из двоичных элементов – кремниевых чипов, и соединяются эти чипы в длиннющие последовательности по сугубо логическим правилам (надо, правда, иметь в виду, что логик нынче развелось много-премного и видимо-невидимо, причем в большинстве своем они мало похожи на привычную формальную логику). Да и компьютерная программа – тоже вполне законченный логический продукт, кое-кто еще недавно надеялся доказывать программы в точности как завершенные математические доказательства... Вот так и получилось, что насквозь знаковые компьютеры вместе с такими же по своим свойствам программами (т.е. и хардвер, и софтвер) – наиболее, пожалуй, сложные на сегодняшний день знаковые орудия, премного

способствующие преобразованию нашей с вами психики. Ну прямо как Лев Семенович конгениально предписал...

- А с какими потенциальными проблемами может столкнуться исследователь на этом пути и как их можно преодолеть?

- На ранних стадиях научных исследований, когда компьютеры в руках у специалистов уже были, а о компьютерных сетях еще даже не задумывались, были проведены многочисленные исследования личностной, эмоциональной и мотивационной регуляции деятельности, процессов принятия решений, специфики осуществления трудовой, познавательной, игровой, коммуникативной деятельности в условиях опосредствования их компьютерами; была осуществлена психологическая экспертиза компьютеризированных систем, рассмотрены психологические последствия компьютеризации деятельности; был проанализирован ряд психодиагностических, проектных, управленческих, научно-исследовательских, информационно-поисковых, экспертных («понимающих») систем искусственного интеллекта, сделаны предложения по разработке и совершенствованию интерфейсов...

И надо сказать, что немало продуктов было тогда выполнено отменно, даже и «по гамбургскому счету», да вот ситуация резко переменилась начиная со второй половины последнего десятилетия прошлого века, когда обозначился качественный скачок в компьютеризации и информатизации общества, связанный с появлением портативных компьютеров, Интернета и WWW, мультимедийных систем, многочисленных Интернет-сервисов для массового применения, мобильных средств связи и др. Причем эти процессы, как нетрудно заметить, развиваются ускоренно и оказывают воздействие не только на отдельные функции и процессы, как это было ранее, а на современную культуру в целом и на личность каждого отдельного человека (даже не применяющего компьютеры, а являющегося, например, реципиентом изготовленных с помощью анимационных программ рекламных сообщений).

Хотя многие из поставленных на первом этапе задач представляются актуальными и ныне, вместе с тем добавились новые исследовательские области, среди которых можно отметить анализ подходов к реализации практических систем дистантного образования, гендерные особенности применения компьютеров и Интернета, психологическое изучение не известных ранее сообществ (т.н. хакеры, геймеры, киберпанки и др.), выявление и изучение особенностей новых видов одаренности (к примеру, можно говорить о детско-подростковой одаренности в сфере программирования, веб-дизайна и т.п.). Вероятно, будет справедливо сказать, что исследовательская работа в данном направлении приобрела существенно большую социальную значимость, нежели это считалось характерным для первого этапа. Так, было высказано и обосновано убеждение, согласно которому компьютеры и Интернет, как орудия деятельности, *амбивалентны* относительно направлений психического развития человека: это развитие может пойти как по позитивному, так и по негативному направлению (если вообще считать уместными такого рода оценки применительно к психическому развитию). Орудия же деятельности, как это чаще всего бывает, *не определяют* направление (плюс или минус) психического развития.

Современные исследования в данной области – непростой хлеб: они требуют обширных теоретических и методических знаний, к примеру, в области *возрастной психологии* (ранняя одаренность и возрастная специфика в разумном применении – либо

неприменении – компьютеров и Интернета), *социальной психологии* (опосредствованные компьютером и Интернетом виды общения и совместной деятельности в группах, почти не имеющих аналогов в прошлом), *клинической психологии* (тревожность при применении компьютеров, так называемая зависимость от Интернета, применение систем виртуальной реальности для терапии страхов, фобий и посттравматических состояний), *педагогической психологии* (групповое и индивидуальное обучение посредством компьютеров, дистантное обучение, игровые обучающие и развивающие программы), *организационной психологии и психологии труда* (специфика новых форм занятости и организационного поведения в условиях применения информационных технологий, в том числе в удаленном режиме), *дифференциальной психологии* (сопоставление личностных типов в условиях непосредственного и опосредствованного Интернетом общения, изготовление привлекательных для носителей определенных психологических типов веб-сайтов), *когнитивной психологии* (изучение особенностей восприятия информационных блоков WWW, распределения объемов внимания, оперирования «внешней» памятью, принятие решений в суперсложных игровых моделях, приближенных к реальным системам управления), *психофизиологии и психофизики* (так, в основе виртуальной реальности лежат знания как в области психологии восприятия – в первую очередь зрительного, – так и в области компьютерного моделирования), *психологии общения и психолингвистики* (синхронное и асинхронное общение, общение в форме полилога, речевые особенности мобильной связи, в том числе с помощью SMS, общение на малознакомых языках) и т.п. Наряду с этим ставятся вопросы методического и процедурного характера. Это относится прежде всего к обоснованию правомерности и целесообразности так называемого *онлайн-исследования*, т.е. исследования, опосредствованного Интернетом. В последнее время такого рода онлайн-исследования (опрос, эксперимент и квазиэксперимент, тестирование, фокус-группы и др.) все шире входят в практику отечественных и зарубежных психологов.

Так что занимаясь психологическим изучением опосредствованной компьютерами и Интернетом деятельностью, трудно оставаться в рамках конкретной специализации внутри психологии. Не буду хвастаться, что все перечисленные области известны мне в совершенстве: еще Козьма Прутков заметил: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». Однако готовясь к чтению лекционного курса, я имею обыкновение просматривать новинки литературы по широкому спектру вопросов.

- А какую важнейшую в этой области теоретическую проблему Вы бы назвали?

- А я с нее по существу начал наш подзатянувшийся разговор. Может быть, наиболее значимая проблема, связанная с рассматриваемым в данном интервью кругом проблем, - это необходимость пересмотра соотношения между процессами интериоризации и экстериоризации. Вслед за Л.С. Выготским, Ж. Пиаже, П.Я. Гальпериным и другими классиками психологи традиционно и плодотворно занимаются изучением механизмов интериоризации. Посвятили этому целый XX век. Не многовато ли? Между тем бурное развитие материальной культуры и, в частности, современных информационных технологий побуждает обратить не меньшее внимание на процессы внешнего опосредствования деятельности: процессы экстериоризации заслуживают не менее тщательного анализа. Так не пора ли заинтересоваться экстериоризацией? Не только книжка-справочник, но и электронная «Википедия» - всегда с тобой, и не пора ли разобраться, что конкретно развивает психику в интериоризированном виде, а какие виды

знания ложатся своего рода мнестическим балластом? Конкретно-психологические особенности экстериоризированной деятельности представляют собой бесконечно перспективную область исследований. В этом видится одно из центральных для психологической науки XXI века направлений исследовательской активности. От решения вопросов экстериоризации в буквальном смысле слова зависит будущее школьное образование – каким ему надлежит быть? Ну-ка, кто быстрее и толковее придумает? Почему-то мне кажется, что без изучения принципов экстериоризации придумщики не обойдутся.

- И все-таки, Александр Евгеньевич, в чем Ваш личный интерес в избранной сфере науки?

- Не знаю как кого, а меня живо интересуют те, кто сам выбирает свою судьбу. Селф-мэйд люди. Ведь в конце прошлого века ни пользователей компьютеров, ни разработчиков и сторонников новых сервисов ФИДО или Интернета никто не выбирал и не назначал. Люди сами захотели и стали, например, геймерами. Или чатерами. Хакерами. Гемблерами. Спамерами. Блоггерами. Киберпанками. Адептами социальных сетей. Аддиктами, наконец. Или, может, убежденными противниками всех этих групп людей с нерусскими наименованиями. Если б хватило сил, рук, времени, я бы всех их изучал – людей, появившихся ниоткуда (раньше говаривали: по зову сердца), подлинных волонтеров. С другой-то стороны, я могу понять тех коллег, кого привлекает скорее традиционная структура в заметно изменившихся условиях – например, семья или учебная группа. А вот меня влекут новые общности – те, кто пришел из ниоткуда...

И хотя всех дел не переделаешь, а какие-то интересы все равно останутся частично неутоленными, но все же кое-что удалось. Скажем, диссертация моей аспирантки по мотивации хакеров (в исследовании была принята методология позитивной психологии) стала первым в мире психологическим (в отличие от социологического – таких-то полно!) трудом по мотивации хакеров, и соответствующая статья опубликована на английском и на русском. Много печатаем в последнее время – тоже на двух языках – исследований игровой деятельности, а последнего слова в этом вопросе никогда, вероятно, не скажем. Ускоренно развивается мировой игровой бизнес, не поспеваем за ним. Кстати, скажите, не любопытно ли вообще наблюдать первые в мире поколения взрослых, которые не чураются, уже заимев семьи, продолжать играть в свои любимые игры подросткового возраста? Или выбирать новые игры – и продолжать с недетским (или детским? Кто как.) увлечением играть в них. Да, игры и ранее занимали определенное место в жизни взрослых людей, однако совсем не такие игры и не совсем такое место. Что же случилось с приходом компьютерных игр? Хотелось бы знать. Сейчас изучаем взрослых геймеров, благо они подросли и появились в природе.

Нынче люди применяют Интернет для работы, для познания (учебы, к примеру), для развлечений (кроме игр, это и музыка, и фильмы, и обмен фотографиями), для общения (от старинной электронной почты до новомодных социальных сетей), для творческого самовыражения, да и для чего только не применяют, не исключая, вообще говоря, и сугубо противоправных действий... Кстати, коли доведется столкнуться с этими самыми противоправными, аморальными случаями – обратитесь сразу к полицейскому? У меня, скажу прямо, подход несколько иной – сейчас стараюсь разобраться в секретах новой сферы применения старейшей науки этики, а новейшую сферу принято ныне именовать киберэтикой...

Нас, спецов в области психологии применения людьми Интернета мало – приходите-ка помогать. Ручаюсь, не заскучаете. Мы все – я имею в виду глобальный масштаб – по горло заняты делом, так что некогда даже объединиться в профессиональную ассоциацию психологов Интернета. Соседаствуем – довольно-таки бесконфликтно – с социологами, кибернетиками... А по мне, все равно хорошо бы занять собственный угол – и пусть те же социологи туда просятся. Лучше, мне кажется, подвинуться самим, нежели просить других сдвинуться. Но наверное, до конца моей научной карьеры своя собственная организация нам не светит, «квартирный вопрос нас не испортит». Я говорю «нам» - потому что ощущаю себя именно глобалистом, т.е. членом всемирной психологической команды исследователей Интернета – пусть даже немногочленной, едва ли превышающей сотню профи. С большинством из них я в переписке, со многими доводилось встречаться, участвовать в совместных проектах (издательских, исследовательских, экспертных). Между прочим, Интернет – пожалуй, единственный известный мне, безусловно, глобальный и, безусловно, успешный (даже без «раскрутки») проект. Разве одного этого обстоятельства мало, чтобы даже в мои немолодые годы продолжать любопытствовать и любопытничать?

- Спасибо за интервью!

- И Вам спасибо за предоставленную возможность поделиться своими наблюдениями.

Интервью взял Алексей Кузнецов